

Олег КУХАРЕВ

АКТЁРСКИЕ ЗАПИСКИ

*Однажды ты станешь просто
воспоминанием для других людей*

До 17 лет всё, что я делал, было плохо. Как герой Маркеса из «Сто лет одиночества» мог сказать про себя: «Начал тридцать две войны и все проиграл». Впереди была садово-огородная старость, и в один из дождливых вечеров я бы застрелился от скуки.

Родители не торопили меня после школы с выбором пути и отправили в санаторий. Врачи давали мне жизни на пять лет. Выпускные экзамены не сдавал – лежал в больнице. Снисходительно проставив в аттестате все тройки, учителя благословили на вольные хлеба. Откуда-то знаю, что М. Зощенко, оболганный, преданный, не хотел жить. В глубочайшей депрессии пролежал несколько дней на диване и умер, по факту будучи здоровым человеком. Моё уныние было абсолютным. Я начал присматривать «свой диванчик» для умирания и, точно в насмешку, случай вывел на самодеятельную сцену санатория, где предложено было быть не самим собой, а жизнерадостным незамороженным персонажем. У меня получилось!!! Этому нет объяснения. В школе, выходя читать наизусть стишок перед классом, превращался в отсиженную ногу. Не мог произнести ни слова, только на перемене – на ухо учительнице, без свидетелей. А тут пел, танцевал, изображал страстного любовника, обманутого мужа, водолаза Васю в отпуске. «Ты ли это?» – удивлялась мама моего школьного товарища и она же мой лечащий врач, случайно оказавшаяся в зрительном зале.

А не подменить ли себя другим, сочинить себя, запутать жизнь? В детстве же любил теряться и притворяться, что не помню, кто я.

Непригодный к любому другому делу, кроме проявившегося актёрства, я поехал в Москву. Вступительные экзамены в театральные вузы закончились. Неумышленно попал на биржу труда актёров. Абсолютно унижительное мероприятие, как любой показ, но вечером на лужайке парка «Сокольники» увидел, как чудят актёры, и понял – это моя стихия. В тот, семидесятый год театры были системой вза-

имосообщающихся сосудов. Труппа могла ежегодно обновляться наполовину. Искать актёру своего режиссёра было нормой, переезжая из театра в театр. Квартирный вопрос решался легко, контейнер и дорога оплачивались, подъёмные выдавались. Миграция актёрская – это как перейти дорогу. Все знали друг друга. Радость встречи, дружелюбность, нездешняя свобода – удаль, «чушь прекрасная», привлекали проходящих мимо москвичей. Например, два артиста визави рассказывали анекдоты, кто кого...

Василий Иваныч и Мао Цзэдун ведут переговоры. Василий Иваныч:

- Короче, предлагаю вам сдаться.
- Василий Иваныч, а сколько у вас войск?
- Полторы тысячи сабель!
- У нас только на левом фланге пять миллионов.
- Господи, где же я их хоронить-то буду...

Как-то раз пришёл к Ленину мужичок.

– *Проси что хочешь! – говорит Ленин, понравилось ему, как тот бороду теребит.*

– *Ничего не надо, – говорит мужичок, а сам не уходит.*

– *А чего пришёл-то? – спрашивает Ленин.*

– *А и сам не знаю, – отвечает мужичок, – ливорвер-то дома забыл...*

Всё без оглядки и страха.

Подсмотренное там на поляне извлечение пробки из бутылки с вином (бабка за дедку, дедка за репку) сорок пять лет спустя использовал в спектакле «Жениха вызывали».

Мне подсказали, что «штаны» нужны во всех театрах. «Штанами» называют молодых актёров на роли «кушать подано». И рискнул предложить себя на этой бирже труда в Канский театр. Взяли без прослушивания, с записью в трудовой книжке: «Артист вспомсостава». Канск звучал не иначе, как французские Канны. Через месяц уезжал из Ижевска ночью с тремя рублями. Зная меня, родители даже не поднялись проводить – не верили. Чуть раньше они снаряжали меня на первое свидание с девушкой, с которого вернулся через пятнадцать минут, поскольку маршрут, ими определённый, был скоро пройден, а импровизация не обговаривалась. Я сам себя вывел на авансцену, и мне захотелось продолжения своих неподозреваемых возможностей. Ижевск был частью проблем, Канск стал частью решения. Проблема ведь не решается на том уровне, на котором возникла. Победоносный момент для моих травмированных школой мозгов.

Труппа Канского театра тех лет – галерея поз и жестов, типажей кошмарного дна, безупречных неудачников, с репутацией душевно нестабильных существ, с лицами не для рождественских открыток и навсегда дорогих мне людей.

Я готов был согласиться с тем, что земля плоская и стоит на трёх китах, только бы не принимать первых театральных уроков выживания, от которых увядали цветы на подоконниках.

– Хочешь получить роль, бери дубину и бей по голове другого соискателя, – учил меня знающий артист Вронский.

Я хотел остаться гусем, который любил поэзию и не хотел быть лапчатым.

– Это метафора? – сопротивлялся я.

– Нет, друг мой, это реальность. Зависть, ревность, никакого страха и трепета.

Но я не забывал рекомендацию апостола Павла: «Все испытывайте, хорошего держитесь».

В моём мире была уже церковь, был Павка Корчагин. В этом вымышленном бульоне кажущейся жизни Вронский познакомил меня с Феликсом Крулем, персонажем из авантюрного романа Т. Манна. Это был вынужденный апгрейд для возможности прижиться в новых условиях.

«Твой забег уже начался, а ты даже не услышал стартового выстрела, мальчишка, – возмущался мой покровитель. – Обострённость – твой козырь». Он играл в карты и, видимо, удачно, потому что никогда от него не пахло дешёвым алкоголем. Нашим же доступным напитком был портвейн «777», напиток Богов, если не взбалтывать. Я просил его научить некоторым приёмам вольтирования, он категорически отказал: «Стать артистом – это лучше, чем снять банк».

Думаю, не без его участия произошёл случай, не повторившийся со мной ни в других театрах, ни с другим артистом. Во время спектакля за кулисами я получил записку: «Для Вас в буфете накрыт стол». Всё, что пилося и елось, прихотливо было выставлено на столах. Про богемную жизнь я ничего не знал, мне объяснили, что это она и есть. Веселились до утра.

Лет пятнадцать назад, начав вести передачу «Дорога к храму», не задумывался о духовной опасности моей профессии. Батюшки объяснили, что лицедей на сцене живёт чужой жизнью, примеряет её на себя и прилюдно изображает, а то и прославляет чужие грехи. А жизнь на самом деле у него одна, дарованная Всевышним. Стало быть, актёр подыгрывает Антихристу, не имея своего «я», постоянно меняя личину. Актёров запрещалось причащать и отпевать, этих посланников дьявола.

В придворном театре Алексея Михайловича играли только иностранцы. Женщинам смотреть на это запрещалось (только через маленькое окошко в конце залы), а сам царь и его подданные после спектакля шли в баню, чтоб смыть с себя грех, к которому приобщились.

«Вот монахи живут свою жизнь. Бог одинок высшей формой одиночества, потому монах стремится

к одиночеству, чтобы понять Бога. И лучше прожить такую жизнь-подвиг, чем хорошо насыщенную чужую, – увещевал меня в частном разговоре батюшка. – Ведь вы всего лишь исполнители воли режиссёров, причём не всегда толковых. Не Вы ли, Олег Сергеевич, в своём эссе в журнале «Огни Кузбасса» писали, что хороший режиссёр даже случайно не может приехать в Кемерово?»

После одного такого разговора долго стоял я, покачиваясь, как одинокая пальма в Аравийской пустыне, оглядываясь по сторонам, нащупывая свой путь.

Первую тропинку протоптал на Волок, где строится Преображенский мужской монастырь, что в четырнадцати верстах от Могочинской Никольской обители в Томской области. Три дня, проведённых там, оказались лучшим, что случилось со мной. Прощаясь, архимандрит Иоанн (царство небесное) сказал: «Приезжай к нам ещё, полюбили тебя». В пространстве монастыря это не была паутина слов. Часто про любовь к нам, актёрам, слышим от чиновников, поздравляющих с премьерами, бенефисами. Но мы-то знаем, с какой радостью они запихали бы нас в вагон со скотом.

«Господи, сделай так, чтобы моя работа на сцене не принесла никому вреда», – молитва, примеряющая меня с театром, предложенная нынешним настоятелем Никольской обители о. Матфеем. При чрезвычайности нашей работы, её духовной опасности придёт время, когда хоронить актёров будут, как в давние времена, не только за оградой погоста, но и на перепутье дорог, чтоб путешествующий мог помолиться за душу артиста.

Шотладская принцесса Маргарита, умирая в девятнадцать лет, сказала: «Тьфу на жизнь!». Не хочу прогневать Господа, но если моя жизнь была бы спектаклем, на второе действие я бы не остался. Это не «тьфу...», но и не аллилуйя. Там, в обители, впервые задумался о другой, непрожитой жизни – монастырской. Наша работа одномоментна. Спектакль – рисунок на асфальте. А там – жизнь будущего века. Упущенная, она могла бы начаться в отрочестве, когда я имел предложение Ижевской епархии поехать учиться в Ярославскую семинарию.

Несколько лет назад, готовясь к интервью с сельником Псково-Печёрского монастыря, нашим земляком, я приготовил больше двухсот вопросов. Разговор не состоялся. Через два года я оказался в келье Александро-Невской лавры с иеромонахом Псково-Печёрского монастыря!!! Совершенно благожелательным и сочувственно отнёсшимся к моим поискам Бога. То, что Его надо искать в себе, а не в другом месте, понял через шесть секунд общения с ним. Мои вопросы показались мне неуместными

152

в энергии любви, в которой он существует с ближним, по заповеди Христовой. Он смотрел на меня такими глазами, будто всю жизнь мечтал встретиться со мной. Вопросы решались сами по себе – Бог был между нас.

Из книги Бориса Петкера, артиста Художественного театра:

«Константин Сергеевич, когда брал к себе в труппу артиста распавшегося театра Фёдора Корша, беседовал с ним о театре, о той судьбе, которая его ожидает в Художественном театре. В конце беседы Станиславский вынул из своего галстука золотую заколку, в левую руку взял розу, которая стояла в бокале, этой заколкой оцарапал себе кожу, капелька крови была на этой заколке. Вместе с этой кровью он заколку вколлот в эту розу и подарил артисту, говоря: «Ну, надеюсь, теперь мы с вами вместе навсегда».

Есть в этом ритуале что-то от масонства, но это надёжно, красиво, а красота не требует ни доказательств, ни оправданий.

Мы, заточённые в советской театральной школе, исповедовали Станиславского. Сегодня, когда ничего не осталось от его этики и представления о театре, пытаюсь понять, что же держит меня до сих пор в нём?

Грусть! Она позволяет думать о хорошем. Люблю свои воспоминания, они не трагические, а скорее меланхолические. Воспоминания не всегда погружение в ванну с дерьмом или удар в сердце. У меня нет осуждения сегодняшней ситуации, но огорчаюсь, видя, что то, что появляется, не лучше того, что было.

*А может быть, не могу смириться:
Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать.*

Может быть, не могу смириться и с тем, что заканчивать карьеру в Кемерове значит проиграть её: в Кемерове можно быть гениальным дворником, священником, кем угодно, но не артистом, поскольку нет среды и предпосылки к появлению, например, Г. А. Товстоногова, который, со слов О. В. Базилашвили, каждый месяц (!) собирал технические цеха и рассказывал им о театре, воспитывал.

Чтобы любить, надо многого не знать, не замечать, к сожалению. Можно было бы вослед О. Н. Ефремову попытаться вернуть театр в эпоху товарищества на вере, но не с кем, да и содержание коммерческое укоренилось и заняло место смыслов. Не ради собственного удовольствия, но ради удовольствия потребителя работаем. Имя моё удлинило список разочаровавшихся, потому радуюсь тому,

что есть, ведь театр остаётся единственной формой существования актёрского братства, а я всегда был артельным. И неверно было бы сравнивать меня с пчёлами, которые одержимы возвратом к месту, откуда вылетели, и будут кружить бесконечно над этим местом, притом что их улей будет стоять в двух метрах в стороне. Понятие «театр-дом» уходит, антрепризность не предполагает актёрского братства. Конечно, кому-то моё сожаление покажется романтикой глиста, но что делать, если то, что предлагают, многосторонне хуже. Грубо? Кого-то покорежило? Не идеализирую актёров, среди нас есть милые люди. Но попробуй сказать им что-нибудь против. Обгадят с ног до головы. Даже вонь, которую испускают собственной персоной, не кажется им мерзостью. А скорее – приятно щекочет обоняние.

Чтобы требовать от актёра выполнения его обязательств по этике Станиславского, ему надо создать условия. Качалов в труппе получал денежное пособие, равное зарплате градоначальника. На похоронах Энгельса Маркс говорил, что их теория верна только в одном случае: «От человека можно требовать быть человеком только тогда, когда ему будут созданы человеческие условия». Как в нынешнем вареве с окурками сохранить себя? «Радуйся тому, что есть, лучше не будет», – совет от нашего дворника Лёши. Вот уж действительно – куда умище-то девать? Я боялся, что теряю время, пока не понял, что жизнь – это то, что сейчас, в данный момент, в данных обстоятельствах, по нынешним правилам.

Вера в театр как единственно возможный способ существования, прибежище единомышленников, способное объединить в великое братство, утратила всякий смысл. История театра превратилась в историю болезни руководителя театра, то есть вымирания. Сцена стала полигоном сведения счётов с миром, судьбой, место, куда опорожняют кишечник, но не мозг, когда честолюбие вырождается в тщеславие, немотивированные амбиции. В этих условиях характер лучше не становится, а безденежье усугубляет беды. Как в этом вареве с окурками сохранить право на собственное мнение? Главная и, может быть, единственная мотивация любого театра – радость, любовь. У меня их нет, но ведь это не значит, что их нет у других.

«Каждый театр борется за право быть плохим» – эту мысль приписывают О. Лоевскому. Толковый человек поднимает планку, что вынуждает других напрячься. А если нет для этого ни сил, ни таланта?

Конечно, работа актёра заслуживает более громкого признания и внимания. Если бы это случилось, нас бы вывели из сферы обслуживания. Театр – разговор с вечностью, а не лавка по зарабаты-

ванию денег. Идею служения подменили идеей обслуживания. Заработать легко! А вот как сделать, чтобы не было стыдно! Старый купеческий принцип «прибыль всему голова, но честь поверх прибыли» – вне контекста сегодняшнего дня. И уже сожалею, что однажды отказался от просьбы прочесть на юбилее не очень близкого человека спич-панегирик в его адрес за хорошие деньги. Образованность без культуры, водка без закуски, власть без совести, то есть расчеловечивание и меня потихоньку достаёт. Что делать, каждый сукин сын когда-то был милым щенком – только и остаётся признать и напомнить себе, что плохо тот интеллигент, которому никогда не разбивали очки.

Когда тоска стала гибельной, я свернул с той тропинки, на которую заточили меня в театральной школе, и коварно по отношению к К. С. Станиславскому изменил ему, начав изучать М. Чехова, Н. Демидова, французскую, английскую и другие методики актёрского мастерства.

Вот что пишет ученик А. Васильева А. Огарёв: «Для него «оценка» – бранное слово, он употребляет «восприятие». Оценка факта, по его мнению, грубая вещь, восприятие же сопутствует действию, а не блокирует. С точки зрения отношений в традиционных школах разбор строится на том, что я хочу от другого человека. Техника Анатолия Александровича раскрывает не то, что я хочу от кого-то, а что в этот момент со мной происходит».

Я так не умею!

Игорь Сорвилов, актёр нашего театра, любезно через Интернет заказал мне книгу Лемана «Постдраматический театр».

Вот те на! Я шел вперёд, но в другую сторону! И опять не услышал стартового выстрела. Пользовался старыми знаниями, которые для нынешнего дня как старые деньги, на которые ничего не купишь. Вот откуда брюзжание и недовольство!!! Простите меня.

В Румынии спросил схимника-старца, что для него благодать Божия.

«Когда Господь со мною...» – и, недоговорив, расплакался.

Какая удача подсмотреть работу души и не обсуждать. Ведь самые бесполезные разговоры – это с монахами: диалог предполагает сомыслие. Для них же разговоры о духовном опыте обременительны. Это всё равно что открыть дверь в бане и выстудить её. А кто такой артист? Человек, которого сжигают на костре, и он рассказывает, что с ним происходит. Разве не рифма? Но не получается возвыситься до их отшельнической жизни.

В этом году в Сербском монастыре св. Прохора Пчиньского решил для себя многолетний вопрос, которому посвятили целую передачу в своё время.

«Где грань между осуждением и обличением? «В намерении», – не задумываясь ответил игумен Пахомий.

В пещерном храме в Крыму, почти под самыми небесами, говорили о максиме «Всякая власть от Бога, но нет власти, если не от Бога».

«О мёртвых – или хорошо, или ничего, кроме правды», что не так.

Изречение принадлежит Хилону из Спарты (VI век до н. э.) и звучит: «Мёртвых не хули». Это и есть крылатая фраза древнего мудреца.

А как отнестись к высказыванию матушки Параскевы, игуменьи Топловского монастыря: «Ваша материальная жизнь не живая».

Монастыри не только пространство размышления, но и опасное место. С неокрепшей душой, неопытным умом ничего хорошего там с тобой не выйдет. (Как в «Сталкере» – в комнате, где сбываются мечты, но гарантии, что станешь счастливее, никто не даёт, потому никто и не рискует.)

С трудом совладал с собой в пещере-келье св. Александра Свирского на Валааме, по стенам которой слезами стекала влага, и в могиле, которую он вырыл себе руками и спал в ней (я попробовал минутку в ней полежать). Что же это за экстремальная религия, одобряющая уничтожение плоти? Сегодня его нетленные благодатные мощи находятся в Свято-Троицком мужском монастыре в Ленинградской области. Не даёт мне Господь уразуметь высокие и строгие радости духа.

ИТАК:

Медовый месяц в моём первом театре истёк. Болезнь, обидевшись на невнимание к ней, ушла! Дальнейшее вспоминается как материальное свидетельство ада на земле. Одну фотографию того времени подписал: «Я так живу, что долго буду ещё ворочаться в гробу».

Это сегодня для меня Канск – отрицательная величина, тогда же был уверен, что попал в случай. Драматические отношения между актёрами, до суда доходившие, первые роли, чтение запрещённой литературы, выездные спектакли за тридевять земель, комфорт с завыванием вьюги в задницу, музыка на виниле по понедельникам. Этот день во всех театрах – выходной, все недоделанные дела на неделе сваливаются на него. Чтоб отнять его у актёров, нужен отдельный приказ. Именно в этот день актёры становились самими собой, отплёвывались от навязываемого искусства. Сегодня существование кемеровских артистов в этом сравнении – курорт.

В Канске меня поселили в рабочее общежитие. От театра до него надо было идти через железнодо-

157

рожные пути и привокзальную территорию, что очень небезопасно. Позже узнал, что ребята из общаги тайно встречали меня после вечернего спектакля и провожали.

Каждый день получал два-три письма из Ижевска. Меня даже упрекнули, что к переписке отношусь серьезнее, чем к профессии. Как же был удивлён, узнав, что любимое занятие писать письма – эпистолярный жанр. Я был сокрушительно невежествен. Немирович-Данченко был для меня два человека. Очень удивился, когда увидел икону св. Матронушки Московской – зрячей! Полоумный Журден – про меня. А ведь хотел свалить вину на судьбу за то, что родился старым и несчастным.

Как-то под Новый год через «службу добрых услуг» получил подарок от родителей – шампанское, торт, фрукты. Потом же выяснилось, что ничего они не высылали. Это мои коллеги, видя, как мне трудно одному, поддержали меня. Я ведь был маменькиным сыночком, хоть и пятым из шести.

В этом месте предлагаю прослезиться.

Джоанна Шимкус – любимая актриса. В Ижевске в кинотеатре «Дзержинский» фильм «Искатели приключений» крутили два дня – шесть сеансов, я не пропустил ни одного, прогуляв все уроки в школе. Анук Эме – вы не знаете и это имя? Вы зря прожили жизнь. Не подходите ко мне. Она первый сюжет фильма «Мужчина и женщина». Вы не замечали, что моя жена Людмила похожа на них? Не замечали? Вам срочно надо исповедоваться, Господь оставил вас. Прекратите читать моё эссе, читайте «Мурзилку».

Вот так пишется, когда выпьешь двести граммов водки. Хотелось назвать записки пьяными, но это уже было у А. Володина. Полупьяными – истинно. Но звучит плохо.

После паузы.

В этом году на 93-м году ушёл из жизни Борис Иванович Мостовой. Серьёзная человеческая потеря. Лет пять назад он попросил меня называть его Бобой и на «ты». Я не смог этого сделать, тогда он показал свою записную книжку. Он ни от кого не ждал звонка и сам не мог ни к кому позвонить. Я не смог себя пересилить, и мы остались на «вы». Два года назад я приехал к нему в гости в Дом ветеранов сцены в Санкт-Петербурге, он накормил меня своим завтраком, я не хотел есть, но понял, что должен это сделать, в казённом пространстве ему другого нечего было предложить. Прощаясь, он на ухо прошептал: «Если бы я знал, что мне так будет не хватать кота Василия, я бы никогда сюда не переехал». Как это близко к тому, что однажды он мне признался: «Меня никто никогда не любил, как и я никого». Я позвонил Юлии Чудиновой, нашей бывшей заведующей труппой, работающей в Питере, с просьбой привести ему игрушку рыжего кота (Василий был рыжим). Судя по тому, как она рассказывала о реакции на подарок, Б. И. был счастлив. Спасибо, Юлия. Он уважал меня, как мне кажется, за то, что я выиграл у него партию в шахматы на первенство театра, чего раньше не удавалось никому, но «баранку» в таблице ему не спешил записать. Он сделал это своей рукой и назначил меня другом. Я сыграл эту роль не без удовольствия.

